

Арбитры вечности

«Если вы не интересуетесь археологией, это не значит, что археология когда-нибудь не заинтересуется вами», – написал на стене туалета моей квартиры человек, чья школьная кличка Археолог стала записью в соответствующей графе трудовой книжки

Между этикой и эстетикой. Над уровнем моря, в общем

Раимбек – человек гостеприимный, но немногословный. А чего болтать-то? Чтобы чувствовать человека, болтать не обязательно. Гостю Раимбека не стоит думать, что немногословность хозяина – оттого, что вы делаете что-то не то. Если с вами не разговаривают, это не означает, что вас не чувствуют или что вам не рады. И наоборот. В своих мегаполисах мы привыкаем к тому, что нас постоянно спрашивают, как дела, а заодно к тому, что на самом-то деле всем глубоко наплевать, как они, эти ваши дела, обстоят. А тут все понятно – «как». Живой – значит отличные у тебя дела, и нечего болтать. Болтовня подлинным чувствам только мешает.

Как-то мы зашли к Раимбеку и долго молча пили чай. И только когда где-то вдалеке раздался гул долгожданного вертолета, Раимбек нашел это событие достойным озвучивания. На секунду замер и изрек с лаконизмом индейца: «Уже!»

А вертолет вез основной отряд археологов, который мы, десантировавшиеся сюда, на алтайское плато Укок, на месяц раньше, сильно заждались.

Как, вы ничего не слышали про плато Укок? Про татуированных скифских всадников, неплохо сохранившихся в вечной мерзлоте курганов? Про их любимых зверей – волшебных грифонов, которыми они украшали все, что можно украсить? Про живых грифов, залетающих иногда на Укок из соседней Монголии? Про реку Ак-Алаха, цвета молока? Про закаты, проецирующие сны богов на снежные вершины? Тогда вам можно позавидовать: на «жестком диске» вашего подсознания еще много свободного места.

Вообще-то про плато Укок археологам было известно давно, но систематические раскопки удалось начать только в 1990 г., когда новосибирские археологи раскопали первый курган и нашли там двойное погребение скифских воинов. Тел не сохранилось, только скелеты. Но одежда, войлоки, колчан – все это было в великолепном состоянии.

Константин Банников, доктор исторических наук, антрополог, директор Центра антропологических исследований ARC (Anthropological Research Center, Helsinki, Finland), участник экспедиций на Укоке

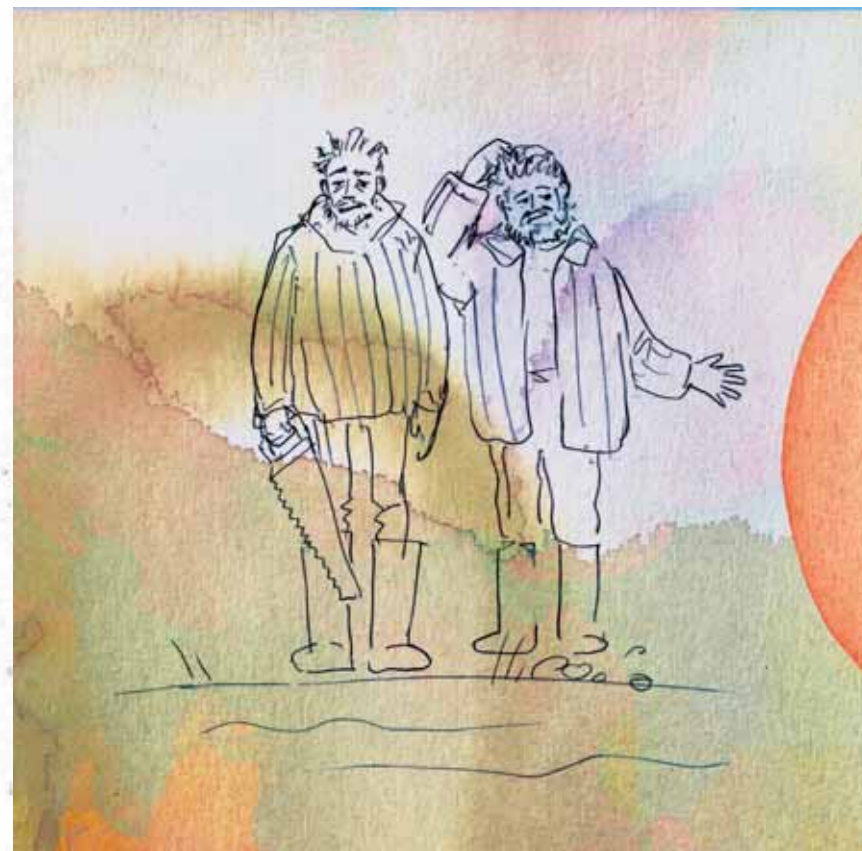
Эта культура, получившая название пазырыкской – по первому месту, где была обнаружена, – вообще отличается великолепной степенью сохранности органики. И все благодаря тому, что скифы, парни не слабые, рыли в сплошной мерзлоте могилы трехметровой глубины и насыпали над ними колоссальные курганы из камней и валунов. А так как делали они это высоко в горах, то грунтовая и дождевая вода, набирающаяся в погребальную камеру, за лето не успевала растаять, и все, что в ней замерзло, замерзло навсегда.

Помимо мерзлоты полную сохранность кургана обеспечивает еще масса факторов: кислотно-щелочной баланс почв, время погребения, вторжение грабителей, которыми были не только так называемые «черные археологи», но (чаще) современники погребенного,

Ключевые слова: «замерзшие» могилы, Горный Алтай, пазырыкская культура, плато Укок, мумия женщины.

Key words: “frozen” graves, Gorny Altai, Pazyryk culture, Ukok plateau, woman mummy

© К. Л. Банников, 2017

Рисунки Анастасии Абдулмановой

разорявшие погребальные комплексы не из меркантильных, а из мистических соображений.

Чтобы найти курган, где все эти факторы оптимально бы совпадали, надо сильно постараться. Точнее, как ни старайся, не найдешь, потому что такого рода удача есть следствие воли духов, пожелавших открыть миру то, что много лет было сокрыто. Так на свой манер толковал метафизику археологии известный в Сибири шаман Баир Ричинов.

Вопросы этики, уводящие в метафизику, нас постоянно беспокоят. Этично ли это по отношению к ушедшим в Великое инобытие, или тем уже все равно? Уравновешивают ли раскопки тот и этот миры или вызывают их дисгармонию? Оправдывает ли повод фундаментальной научной проблемы первопричину естественного любопытства? Чем на том свете оборачивается жажда познания этого света?

Вещи существуют в пространстве, мысли о них – во времени. Забытые вещи не существуют. Вместе с вещами исчезают и те, кто их создавал и ими владел. Потому-то археолог не просто ковыряет в земле ямы, но пробивает брешь во времени, извлекая из праха древние вещи – материализованные сгустки истории

мировой культуры, и тем самым латает дыры мироздания. Археологи – арбитры Хроноса и Топоса, жрецы Клио и Урании – восстанавливают материализованные в вещах идеи мира, извлекая их из праха, забвения, небытия.

Таким образом, метафизика археологии является единственной целью маргинального в ней участия таких редких, но универсальных специалистов, как старший лаборант. В общем, копать или не копать? Вот в чем вопрос. Но не к нам, и не к черепу очередного «бедного Ерика», желтеющего под лопатой.

Как приходит слава мира

Когда наш начальник Наталья Полосьмак, в то время кандидат наук и сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, решила раскопать курган, который спустя несколько лет войдет в историю мировой культуры, известный археолог доктор исторических наук В.И. Молодини, по совместительству ее муж, сказал буквально следующее: «Тебе что, нормальных курганов мало?». Научный скептицизм проявил. Только вот археология, самая «материализованная» из наук,

целиком зависит от такого нематериального обстоятельства, как Провидение. С точки зрения Провидения Наташе, привыкшей доверять интуиции, было видней. Так этот неброский, ничем не примечательный курган с разметанной пограничным бульдозером насыпью был раскопан.

Вскрыли погребальную камеру – лиственничный сруб. Внутри был чистый лед, белый, в знак чистоты наших помыслов, совершенно непрозрачный. Так что ходить от счастья колесом было рановато. Все может быть внутри. Равно как этого всего может там и не быть. Может, до того, как лед образовался, там поработали грабители, и лед заполняет пустой сруб?

Прошла одна неделя сидения в яме на леднике, потом вторая... А мы все топили лед, топили горячей водой, и казалось, не было этому ледовому монолиту конца. Дух научного скептицизма электролизовал атмосферу, в ней можно было бы заряжать батарейки.

– О-о-о, все плохо! Мы ничего, кроме этого льда, не найдем! – стонала Лена Шумакова, лучший в мире археологический художник.

– А-а-а, что я напишу в отчете! – переживал начальник.

– У-у-у, мы все умрем! – взвизгнула Ира Октябрьская, великий этнолог народов Азии, обратив внимание на то, как я своим ножом, поколов в могиле лед, режу за обедом хлеб.

– Все системы конечны, – огрызнулся я, вытирая лезвие о свою энцефалитку, которую тоже, надо сказать, не передел после работы, так как она у меня была одна.

Иру унесло тошнить, а мы остались обедать, продолжая упражняться в околмогильном остроумии.

Эпизоды и персонажи

Мы не имели никаких средств связи. Да их нам и не хотелось. Это была мифологическая эпоха, когда спутниковые телефоны весили и стоили, как спутники, да и мобильники в те времена были не для простых смертных. Так что мы, как и другие подобные нам, пребывали в реальности первобытных коммуникаций и общались с миром посредством нарочных, почтовых голубей и заезжих академиков. Но этого оказалось вполне достаточно, чтобы слух о нашей находке распространился еще до того, как она окончательно оттаяла.

На Большой земле знали, что мы тут нашли, всячески сопереживая, пытались помочь. Передавали нам посылки с жизненно необходимыми, по их мнению, предметами. Мы вполне хорошо себя чувствовали, как вдруг вертолет привез целый ящик каких-то противогазов с душераздирающей запиской, общий смысл которой: «Держитесь!»

– На фига? – такова была общая реакция.

– Наверное, они имеют в виду оттаявшие древние бактерии?

– У-у-у, мы все умрем! – запрочитала Ирина и куда-то убежала.

Не успели мы вернуть противогазы с благодарностью, как из следом прилетевшего борта нам выгрузили холодильник, новый большой «Стинол».

– Ну, а это зачем?

– Замораживать бактерии?

– Может, мумию хранить?

– Ребята, но там же полочки!

– Полочки можно сломать.

– Жалко!

– Все так, но куда холодильник включать?..

В общем, и холодильник вернули. Взамен нам прислали живого доктора.

– О, ля-ля! – из вертолета выпорхнул лучезарный и модно одетый мэн. Представился урологом и сально пошутил.

– Еще один внутрисоциальный монстр, – неодобрительно отозвался Димка Археолог об урологе. Он вообще урологов не одобрял.

Впрочем, наш доктор быстро улетел обратно, сообразив, что нам он пока не нужен. На прощание возник на раскопе и объявил, что наша «пациентка», т. е. мумия девушки, при жизни болела лепрой (иначе – проказой).

Не знаю, кого как, а лично меня это известие дико развеселило. Ура! Ура! Мы едем в лепрозорий! По такому случаю я нарядился в ядовитый зеленый плащ, изготовил из консервной банки колокольчик, привязал его к ноге и отправился к Ирине:

– Ира! «Клиент» наш болел лепрой! Мы все умрем! Давай же целоваться!

Потом возник еще один гламурный тип. Вылез из вертолета, из себя весь такой модный, в костюме «сафари», похожий на чмо из мужского журнала. «Хай», – всем говорит. Ну и тебе «хай». Ты, вообще, по жизни кто?

Гламурный тип оказался Маттиасом, дендрохронологом из Цюриха. Пронюхал, что мы бревна древние откопали, ну и примчался, наострив пилу.

Надо сказать, что уже через неделю от его швейцарского лоска остался блеск только «Хассельблад», а с него с самого весь гламур слетел, как пыльца. А все потому, что Маттиас оказался чуваком правильным, легко поддающимся ассимиляции.

И вот стоим мы такие на берегу озера, как три Алеушки, и переживаем несправедливое распределение вещества в природе. Столько воды, а разбавить ее уже нечем. С нами – неделю небритый, с мешками под глазами Маттиас. В фуфайке и кирзачах. Во взгляде – тоска. Столько неразбавленной спиртом воды...

– Маттиас, – задумчиво вещает Шура Павлов, бич компьютерных монстров и экс-замдекана юрфака НГУ, – ...Ю. ...А. Ю а лукс лайк рашн... рашн алкоголик.

– Ша-а-арма-а-ан, <...> – столь же задумчиво отвечает Маттиас.

Все продолжают смотреть на воду...

Еще эпизод.

– Эй, полог у палатки зашнури!

– Ну, разливай!

– Аригато годзаимас! – отреагировала японка Тэй Хатакэяма-сан из Токийского музея литературы на выданные ей полкружки слегка разведенного спирта и принялась пить его, как sake, маленькими глоточками, сжимая кружку обеими ручками.

Хатакэяма-сан – это примерно 32 килограмма биомассы вместе с очками и горными ботинками. Но капля спирта не разорвала «хомячка» на части. Уже и Антон Лучанский, известный музыкант и тележурналист, изгнал из палатки злых духов и выбросил следом керосинки, а Тэй все сидела, похожая на нэцке, улыбалась и твердила: «Аригато годзаимас».

– О-о-о, узнаю дочь самурая! – изрек великолепный в своем брутальном «мачизме» Археолог и похлопал девушку по спине.

Точнее, он только хотел похлопать... Девушка уже упала на четвереньки и уползала из палатки в ночь, бормоча «хадзукасий», что можно перевести с японского как «стремно мне! стремно!».

Наутро «хадзукасий» накрыли всех остальных. А японка, видимо, вспомнив, чья она-таки дочь, усилием воли выползла раньше всех на раскоп.

Мои для National Geographic

В один из дней на запах оттаявшей органики, сулящей сенсацию, прилетела команда *National Geographic Television*. О том, что летит нечто незаурядное, можно было догадаться по поведению вертолета, который нарезал на разной высоте круги и выписывал пируэты. В проеме открытого дверного люка сидел пристегнутый на обвязке оператор в белых штанах и ботфортах и снимал.

– Поубивал бы, – заметил в их адрес прапорщик Вовка с пограничной заставы, примчавшийся на береговой кобыле проверять паспорта иностранцев.

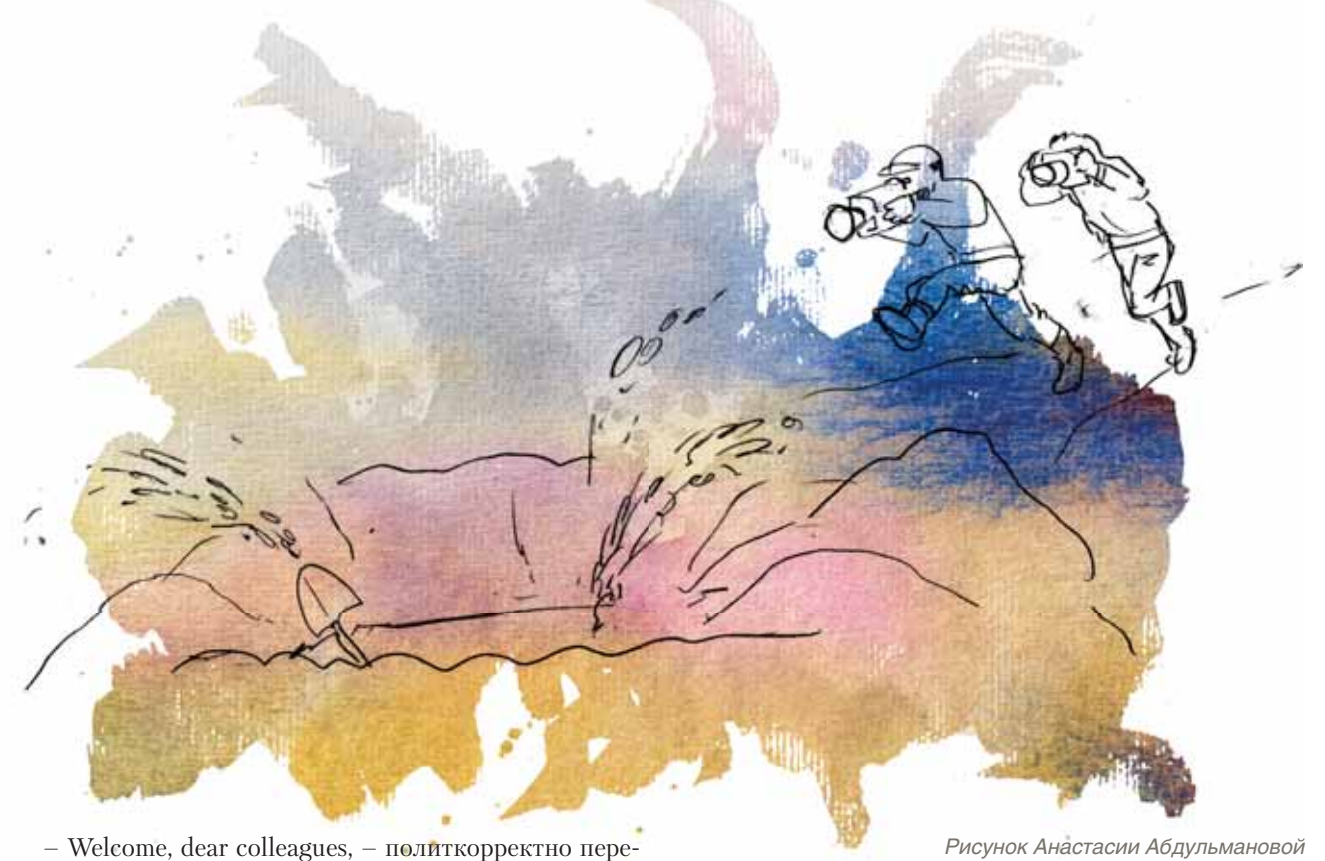

Рисунок Анастасии Абдульмановой

– Welcome, dear colleagues, – политкорректно перевели Вовку переводчики.

С киношниками прилетели люди из журнальной версии *National Geographic* – фотограф с писателем. Всей толпой они поселились с нами на раскопе, стараясь ничего не пропустить. Еще до начала рабочего дня кто-то из продюсеров уже бродил в окрестностях кургана, а потом подтягивалась вся команда. Все ждали какого-то экшена, потому что, по киношным меркам, монотонному археологическому процессу всегда чего-то не хватает: драматизма, оптимизма, пессимизма, мистицизма, садо-мазо-эротизма и прочих видов динамизма.

Одно пасторальное утро им все это разом и явило. Начиналось оно как обычно – с вялого вычерпывания воды, в виде которой стекала и наполняла собой раскоп тающая мерзлота. И вот в тот момент, когда последняя капля была вычерпана, вдруг рухнула южная стена могилы. Те, кто представляют структуру скифского кургана, в этом месте должны замереть в ожидании драматической развязки, ведь сие означает, что стена грозила накрыть колоду с нашей мумией. И накрыла бы, если бы в нашем отряде не было принято заранее готовиться к любым неприятностям. Колода с мумией была перекрыта обширными деревянными щитами, прогнувшимися от накрывшей их тонны галечного грунта.

В том месте, где на краю ямы стоял продюсер NG, таяла его эфирная проекция, а сам он мчался со скоростью спринтера в направлении лагеря звать команду. Сейчас прибегут киношники, и весь мир увидит, что в нашем отряде осыпаются стенки.

– Хадзукасий, идиоты! Быстро выкидываем грунт! – заорал кто-то из коллег.

На горизонте в клубе пыли уже неслась съемочная группа в полном комплекте. Оператор Рич на бегу дожевывал бутерброд, одновременно настраивая в камере баланс белого. Звукооператор Ральф одной рукой надевал наушники, другой пристегивал свой микрофон в пушистом чехле к длинной палке, третьей завязывал шнурки. Светорежиссеры и ассистенты разворачивали экраны-отражатели. Продюсеры помогали всем и всех подгоняли.

– Скорее же!

Они приближались, и наши лопаты мелькали как лопасти вентилятора. Если бы рядом прогуливался независимый эксперт из какого-нибудь комитета по аномалиям, то он открыл бы, что телепортация кубометра грунта на расстояние полутора десятков метров возможна. Нам очень жаль, но киношники *National Geographic*, спешившие снять сцену терзания человека и кубометра, оказались первыми свидетелями феномена телепортации. Когда они зависли над раскопом, то сняли мирную кисточку, пасторально омахивающую бревна.

Последние приключения биологических структур

Извлеченные тела и предметы, пролежавшие во льду 2.5 тысячи лет, следовало сохранить для потомков в том виде, в котором их открыли, и даже лучше. Мы, летом – «старшие лаборанты» отряда, а зимой – люди разных

профессий, спустившись с гор, возвращались к своим городским занятиям, а у друзей-археологов начинался горячий сезон. Все вещи подлежали реставрации экстракласса. Бревна срубов и колоды в течение года пропитывались составами на основе полиэтиленгликоля, что делало их вечными. А сами виновники торжества – мумии – отправлялись для окончательной консервации в Москву, в Институт биологических структур, главным «клиентом» которого был и остается некто Ленин.

Реставрация столь уникальная, сколь же и дорогостоящая, но она стоит того. Именно сотрудники означенного института, а не жрецы Древнего Египта, могут забальзамировать тело как оно есть, не превращая в смоляной кокон, и даже без деформации прижизненного объема тканей. Да что за примерами далеко ходить: вон тот же Ленин, как бы не злобствовали по поводу цветущего его состояния, уже 90 лет экспонируется на открытом воздухе, и все как новый – в знак торжества материи над сознанием.

Однажды автору сих строк выпала честь забирать тело скифского воина в Москве для дальнейшего этапирования в Сибирь, в смысле для возвращения на малую родину. Статного мужчину ростом под два метра мы приехали забирать впятером, но его легко было поднять и одному: ткани обезвожены, и каждая клетка пропитана консервантом. После года, проведенного в секретных растворах, бальзамированная кожа казалась на ощупь полиэтиленовой.

А мягкая прохладная ладонь патологоанатома в момент нашего прощального рукопожатия на перроне Ярославского вокзала, хоть и не пахла ни тиною Стикса, ни псиною Цербера, все же казалась ладонью Харона, привыкшей встречать и провожать.

Фото Укока К. Банникова
Рисунок Е. Шумаковой

Литература
Банников К.Л. Люди плато Укок. Из Полевого дневника этнографической экспедиции 2004–2006 гг. // Полевые исследования института этнологии и антропологии. 2005 год / Отв. ред. З.П.Соколова. М.: Наука, 2007. С. 278–292.
Банников К.Л. Спиритуальные представления чабанов плато Укок // Социальная реальность. 2008. № 5. С. 22–35.
Банников К.Л. Фактор пространства: народы и культуры. Этнографические этюды. М.: Медиа-Базар, 2008. 158 с.

Фото В. Мильникова